

*Посвящается Венеции.
Самому прекрасному городу на свете*

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	9
Предисловие	10
1. Ювелиры дожа и Марчелло Мastroяни	13
2. Легендарное кафе «Флориан», искусство и призраки	29
3. Аристократический брак и секреты семейного счастья	45
4. Мурано, время и стекло	59
5. Мистика и Альберто Тозо Фей	75
6. Скуолы и Тинторетто	89
7. Венецианские маски, любовь и «Жизнь других»	101
8. Торчелло, дьявол и при чем тут кино	119
9. Патриции Тьеполо: прошлое, настоящее и будущее	133
10. Русский след: Стравинский и Сан-Марко	147
11. Парфюм и парфюмерная династия	161
12. Вино «Венисса»: когда один в поле воин	175
13. Казанова и гид-венецианец	191
14. Бал дожа и женские тайны	205
15. Последний герой, отбивающий золото	217

16. Бурано, цвет и кружева	231
17. Гондолы и мастер по ключинам	243
18. Армяне и монастырь, где исполняются желания	257
19. Глеб Смирнов и чудо	271
20. «Феникс», Вивальди и Любовь Казарновская	289

БЛАГОДАРНОСТИ

Выражаю благодарность моей семье и близким.

Писателю Анастасии Соколовой-Буалле и Марине Опочинской за поддержку идеи и помощь. Подруге по общеобразовательной и художественной школе — Зиновьевой Зинаиде за прекрасные иллюстрации. Моему редактору Марии и издательству «ЭКМО» за доверие и возможность творить в своем ритме.

Семье Галассо — Джорджо, Николе и его супруге Юлии Лукьянице, Марку Ригаттьери за помощь в поиске героев, консультации, готовность помочь в любой момент и особую душевность.

Моим венецианским подругам и знакомым: Регине Максимовой, Ольге Тумино, Анастасии Козаченко-Стравинской, Анастасии Тозелло — просто за то, что вы есть и что по-своему участвовали в создании произведения.

Всем тем, кто в меня верил, поддерживал и искренне ждал эту книгу, — большое спасибо.

И конечно, особенная благодарность самой Венеции. Без нее точно ничего бы не получилось.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Город — это люди, а не стены.

Фукидид

Идея книги пришла спонтанно. Конечно, это произошло в Венеции. С городом на воде связаны наиболее важные вехи моей жизни, поэтому дебютное произведение не могло быть о чем-либо другом.

Впервые я посетила Серениссиму в сентябре 2004 года. Один день среди каналов, эффектных дворцов, ярких масок, внушительных церквей и узких улиц вскружил голову молодой впечатлительной студентке, оканчивающей институт.

Тогда случилась настоящая любовь с первого взгляда, родилось особое чувство единения, страсти и восхищения роскошной Царицей Адриатики, как называли некогда Венецию. К слову, у нее несколько титулов. Первый и главный — Светлейшая республика Венеция, а также Республика Святого Евангелиста Марка, благозвучно именуемая Серениссима на итальянский лад.

Она подарила заряд вдохновения и подсказала идею художественного диплома, который я как художник-живописец

создавала целый 2005 год согласно учебному плану моей Академии. На холсте я воспроизводила приятный хаос, что закружил тем благословенным сентябрьским днем, когда произошла наша, не побоюсь этого слова, роковая встреча. На диптихе выплывали гондолы, стрельчатые арки, водная гладь, мост Риальто, костюмы, веера, маски, роскошные ткани и архитектура.

Сколько раз я возвращалась к ней потом, спустя годы, не берусь судить. Венеция постоянно манит меня, вдохновляет, удивляет, дарит идеи, интересных людей и яркие жизненные открытия. В качестве очередного подарка голову посетила мысль посвятить этой красавице помимо живописного произведения пятнадцатилетней давности еще и литературное творение, где в качестве главных героев выступают местные жители.

О венецианцах обычно говорят следующее. Их мало, они постепенно оставляют город. Закрытые личности, не сильно жалующие туристов, общающиеся исключительно между собой и создавшие особый микрокосм в одном из самых туристических городов мира. Проще говоря, поймать настоящего венецианца — квест, а стать для него своей и того сложнее.

Отчасти это правда. Но многолетняя любовь к Венеции неожиданно для меня самой оказалась взаимной. В течение многих лет нашей бурной связи она дарила знакомства со своими жителями — ремесленниками, рестораторами, аристократами.

И вот в один погожий день, гуляя по пустынному сестере¹ Каннареджо, внезапно осознала: ведь я знаю так много интересных персонажей в этом городе. Я же могу рассказать о Венеции через ее жителей. Кто они, эти загадочные венецианцы? Чем живут, что думают, что их волнует? А через историю каждого можно раскрыть и историю самой Серениссимы.

¹ Сестере — это район Венеции, всего их шесть. (Прим. авт.)

Сказано — сделано. Мастер масок поделился секретами производства масок и подробностями о карнавале, а заодно и о сотрудничестве со знаменитой программой «Жизнь других». Арт-директор первого кафе Италии «Флориан» поведал о появлении кофе, великих гостях и работе с Владимиром Владимировичем Познером. Известный писатель увлек мистикой и загадочной историей, приключившейся в одном дворце на Большом канале. Потомственный парфюмер удивил рассказом о становлении столицы парфюмерии и историей собственной семьи, где блистали аристократы и даже баронесса из далекой Российской империи. Праправнучатая племянница Игоря Стравинского — любимыми местами великого композитора и произведением, что он посвятил Евангелисту Марку. Сын известного режиссера эротического кино Тинто Брасса — Бонифаций — рассказал об играх с Микеланджело Антониони в детстве и о своем великом деде Джузеппе Чиприани, что вошел в историю как создатель знаменитого на весь мир розового коктейля «Беллини» и не менее легендарного блюда карпаччо.

Так сложилось двадцать глав. Каждая из них посвящена человеку, что не только поделился со мной частью жизни, но и позволил через себя раскрыть историю, культуру, легенды Венеции. Чтобы получилось увидеть ее настоящей, живой, открытой. Узнать Венецию без маски. Великолепный, гордый город, который я люблю больше всего на свете. Надеюсь, благодаря этой книге вы разделите эти великолепные эмоции, вдохновляющие творить, создавать, восхищаться и, конечно же, истово, глубоко, страстно и непременно взаимно испытывать самое прекрасное в этом мире чувство, имя которому любовь.

1 ЮВЕЛИРЫ ДОЖА И МАРЧЕЛЛО МАСТРОЯННИ

*«Венеция из тех городов,
где и чужак, и местный
заранее знают,
что они экспонаты».*

Иосиф Бродский

Подвеска в виде венецианского мавра

С моста Каноника он прекрасно виден: белоснежный, округлый, с причудливыми завитками, украшениями, известным всему миру силуэтом. Мост Вздохов — один из главных символов Венеции, олицетворение красоты и эстетики, непременно вызывающий восторг от запечатленного в камне совершенства.

В основном туристы любят его со стороны набережной Рива-дельи-Скьявони, толпясь на крохотном мосту и ожидая, когда же освободится место, чтобы сделать кадр на память. Местные же созерцают его с моста Каноника напротив, где путешественников значительно меньше, а компанию составят разве что гондольеры, зазывающие желающих на водную прогулку по узким городским каналам. Но даже их громкие речи и болтовня на венецианском диалекте не смогут отвлечь наш взгляд от кружевного красавца — *ponte dei Sospiri*¹.

Однако прежде, чем окончательно очароваться творением архитектора Антонио Контин (который, к слову, был родственником создателя моста Риальто), следует знать главный секрет: вздохи, в честь которых сей архитектурный шедевр XVII века получил название, никак не связаны с его красотой, романтикой или историей неземной любви. Вздохи те — прощальные, тоска по навсегда ускользающей свободе.

Присмотритесь! Строение XVII века соединяет Дворец дожей с тюрьмой, и именно по нему заключенные под стражей проходили после утвержденного приговора в отведенные им камеры для заточения. Не зря барочный мост крытый и вы-

¹ Мост Вздохов.

сится высоко над водой — даже попытки сбежать оттуда заведомо обречены на провал.

Проход по нему ознаменовал для несчастных пленников последнюю возможность увидеть мир через узкие окошки, вдохнуть воздух свободы с характерным для лагуны запахом моря и соли. Запечатлеть в сердце яркую Венецию, вихрь ее повседневной жизни, впитать краски, звуки и пейзажи, зная, что уже через несколько секунд все исчезнет, уступив место холоду и сырости тюремных камер, откуда никому не удавалось сбежать.

Как тут не вздохнуть!

Единственным исключением за всю историю Венецианской республики стал ее мятежный и озорной сын — авантюрист и любовник Джакомо Казанова. Он не просто сумел выбраться из тюрьмы Дворца дождей, но и подробно описать это в книге мемуаров «История моей жизни», а через несколько лет после побега и возвращения в город на воде смело рассказывать все подробности приключения. Но Казанова такой один.

Нетрудно догадаться, что жители Серениссимы были готовы на что угодно, лишь бы их нога не ступала туда, ведь путь по кружевному мосту, переброшенному через канал, был только в одном направлении — в печально известные тюрьмы.

Но те времена прошли, и трагичность моста Вздохов испарилась в венецианском воздухе, как утренний туман с площади Сан-Марко. Ничего не мешает любоваться его красотой, стоя на мосту Каноника. А нахожусь я здесь не просто так, ведь буквально по соседству располагается ювелирный магазин одной венецианской семьи — Dogale Jewellery.

Найти его легко. Достаточно перейти через мост Каноника, кинуть взгляд на соседний, уже знакомый нам мост Вздохов, пройти несколько шагов по улице и слева увидеть небольшой магазин с многообещающей надписью на витрине — золотом по красно-коричневому красуется Dogale Jewellery dal 1952 (Ювелирный дожа¹ с 1952 года).

Узкая прозрачная дверь и переливающаяся витрина с изделиями на темном бархате: масками, львами, камеями, золотом, серебром, искрящимися камнями, маврами, ангелами, черепами, цветами и стрекозами.

Внутри крохотное помещение с фотографиями посетителей и гостей, коробочки с изделиями, море золота и украшений на полках. На каждого входящего бросает взгляд красивый седой мужчина в очках, сидящий за стеклянной перегородкой. Вокруг него ювелирное оборудование и инструменты, а также детали будущих изделий. Часто он молчалив и сосредоточен, не отвлекается на звуки и суету. Иногда, впрочем, заметив искренний интерес к украшениям и Венеции, улыбается, снимает очки и откладывает в сторону работу, чтобы рассказать о себе и Серениссиме.

Это Джорджо Берто — основатель мастерской собственной персоной, коренной венецианец, появившийся на свет в отдаленном и меланхоличном районе Сант-Элена в 1937 году. Он застал Венецию совсем другой. Тогда в отсутствие телевизора детство у мальчишек проходило во дворах за веселыми играми и мячом, а заодно и с купанием в каналах.

— *Вода была намного чище, чем сейчас,* — поясняет Джорджо. — *Да и такого движения лодок и вапоретто не существовало. Во времена локдауна в 2020 году, когда все сидели по домам, а водный транспорт ходил крайне редко, каналы очистились и стали прозрачными. Именно так было во время моего детства на Сант-Элене.*

¹ До ж — титул выборного главы Венецианской республики на протяжении более чем десяти веков, с VIII по XVIII век. (Прим. ред.)

Уже в подростковом возрасте Джорджо начал интересоваться ювелирными украшениями и ручной работой. Мир золота, драгоценных камней и металлов манил и очаровывал, однако сначала юноша видел себя мастером починки и ремонта. Решение изменил случай: стоило попасть в творческие мастерские венецианских ювелиров, как молодой человек определился с будущей сферой деятельности окончательно и бесповоротно. Джорджо их работу воспринял как сказку, некое волшебное действие, в результате которого появляются произведения искусства, играющие камнями и сияющие золотыми бликами на солнце.

— *Мне повезло с учителями,* — откровенничает он. — *Я попал фактически к «Микеланджело» ювелирного дела Венеции, он многое мне дал. Тогда же я влюбился в moretti — украшения в виде венецианских мавров, истинный символ города, что носят местные жители.*

И действительно, темный мавр не так популярен, как грандиозный лев святого Марка, то тут, то там красующийся на колоннах, башнях, гербах, гондолах и флагах. Уступает он и другим небесным покровителям — святому воину Теодору или Николаю Угоднику, также берегущим город среди вод и отводящим прочь невзгоды. Мощи последнего хранятся на острове Лидо в одноименной церкви Сан-Николао — это не самый известный факт для приезжающих в город.

Тем не менее подвески и украшения в виде мавра — часть истории, а сама традиция ношения идет с глубокой древности и связана с приморской Далмацией — ныне территорией Хорватии и Черногории.

Раздираемый набегами пиратов, Адриатический берег считал фигурки мавров оберегами и талисманами, приносящими удачу и защищающими от разорения. В случае, если удавалось избежать опасности и остаться в целостности и сохранности, их относили в места культа в качестве благодарности высшим силам за спасение.

Со временем Далмация вошла в состав Венеции, амулет ожидаемо попал в столицу Республики Святого Марка, чтобы стать символом гордой победы венецианцев над турками. По легенде, сам Отелло — бравый генерал и храбрый военный — носил мавра, сделанного из эбонитового дерева, золота и драгоценных камней, в качестве ордена на груди.

У знаменитого шекспировского героя имеются реальные прототипы, а еще в пользу драматичной любовной истории свидетельствует ажурный дворец Контарини Фазан на Большом канале, называемый палаццо Дездемоны. Кто именно вдохновил на образ Отелло, доподлинно неизвестно. Однако у всех претендентов семейная жизнь и обстоятельства судьбы отличались от повествования величайшего английского классика Уильяма Шекспира, воспевшего Светлейшую, ее владения, страсть, любовь и жгучую ревность. К тому же он взял сюжет из более раннего произведения Джиральди Чинтио «Венецианский мавр».

Вслед за военными аристократия Серениссимы полюбила мавров и сделала их изображения своим негласным атрибутом. С классических орденов они перекочевали на подвески, броши, серьги, браслеты и кольца. Дополнительно украсились жемчугом, эмалью, золотыми узорами, изумрудами, бриллиантами, рубинами, а в XX веке даже платиной.

Впрочем, красоту мавров ценят не только венецианцы, к ним примкнули и мировые знаменитости: княгиня Монако, актриса и икона стиля Грейс Келли, легендарный Эрнест Хемингуэй, Элизабет Тейлор, Элтон Джон, королевские семьи из Европы и дизайнеры всех мастей. Надеть изделие с темнокожим мавром — словно продолжить славную историю побед, удачи, элегантности, закрытых балов и щедрых приемов, смелости и отваги. Особенно ценно, что это может сделать любой желающий. Принадлежность к благородным семьям или военным кругам больше не требуется.

В мастерской у Джорджо имеются изделия с маврами на любой вкус. Он начал их делать еще в 1952 году в пятнадцатилетнем возрасте, а в тридцать два открыл свою мастерскую у моста Каноника на одноименной улице.

Локация продумана и выбрана со знанием дела: помимо моста Вздохов, базилики Сан-Марко и Дворца дождей (в честь которого магазин и получил название «Ювелирный дожа») по соседству красивейший дворик Сант-Аполлония и ресторан Rivietta, куда захаживал Иосиф Бродский.

При всей близости к основным достопримечательностям магазин Dogale Jewellery не бросается в глаза. Он словно спрятан в тени зданий и, как секретная пещера с сокровищами, ждет истинных ценителей. Он никогда не переезжал, не менял названия. Все шло прекрасно, клиентов у ювелира хватало. Однако в жизни снова появился господин случай и неожиданно ввел Джорджо в мир кинематографа.

Во-первых, он снялся в эпизодической роли гангстера в итальянской комедии «Полицейские» со знаменитым комиком Ренато Поццетто. Помимо Джорджо, в кадре появилась и его лодка — верная спутница по изучению лагуны, ее удаленных островков и каналов. Плавать ювелир предпочитает в сторону Альтино — это один из населенных пунктов, откуда в древности началась миграция людей с устойчивой суши на зыбкие острова, обещавшие защиту и недосыгаемость для завоевателей.

Во-вторых, Берто удалось поработать с одним из самых знаменитых итальянских актеров за всю историю. Случилось это в 1980-е годы, когда создавалась кинолента «Две жизни Маттиа Паскаля», а часть съемок проходила в Венеции. По сюжету герой кинозвезды Марчелло Мастоаянни должен покупать украшения на площади Сан-Марко, в связи с чем создатели фильма начали искать ювелира, готового не только предоставить свои изделия, но и сыграть эпизодическую роль, ассистируя любимому всей страной актеру. Фортуна устроила так, что этим человеком стал Джорджо Берто —

с ним связались продюсеры картины, а тот поспешил дать согласие на участие в проекте. К сожалению, в финальную полную версию фильма эта сцена не вошла.

Во время работы Джорджо с Марчелло Мastroянни нашли общий язык и часто болтали. И хотя ювелир присутствовал на съемках и очень радовался, что изделия мастерской Dogale Jewellery пришли по праву звезде мирового масштаба, мысли были совсем в другом месте — его тринадцатилетняя дочка Урсула лежала в больнице, мучаясь проблемами с глазами. Мastroянни заметил настрояния ювелира, а узнав причину беспокойства, решил сделать приятный сюрприз.

В фильме есть эпизод, где Маттиа Паскаль — герой Мastroянни — подписывает чеки. Кстати, ручку он тогда тоже позаимствовал у Джорджо. Но что же написал на них Марчелло? На одном из чеков красовалось послание, где актер пожелал Урсуле Берто — дочери своего нового знакомого — скорейшего выздоровления и всего самого наилучшего. Неудивительно, что подарок от знаменитости ее вдохновил, и совсем скоро девочка выздоровела и покинула больницу.

— Я отлично помню тот момент, ибо была просто ошарашена, — говорит Урсула — красивая, эффектная блондинка с внешностью актрисы. Сейчас ей пятьдесят три года, но, как и многие итальянки, с возрастом она обрела шарм, стиль и непередаваемое очарование. — С трудом верилось, что сам Марчелло Мastroянни пожелал мне здоровья, а моя история его тронула. Но это точно папа попросил, он же знал, как мне было тяжело и одиноко в больнице!

К сожалению, автограф не сохранился. Еще в 2018 году, когда я впервые побывала в их магазине, любопытство сыграло на руку — семья Берто показала листок из чековой книжки с крупным почерком и размашистой подписью с двойной «М», так что подержать в руках документ от Матроянни лично мне удалось. Но в ноябре 2019 года в Венеции случилось одно из самых тяжелых наводнений за всю историю. Мастерскую Dogale Jewellery затопило, а многие вещи оказались потеряны, в том числе и драгоценное послание Урсуле от Марчелло.

— Я очень жалею, что мы не смогли спасти записку, — продолжает Урсула. — Но история, связанная с Марчелло Матроянни, навсегда связана с нашей семьей. Для меня самой это одно из ярчайших воспоминаний юности. После того как съемки закончились, общение с актером тоже прекратилось. Отчасти папа этому даже был рад, ведь моя мама очень похожа на Катрин Денёв — любимую женщину Матроянни. И папа шутил, что если Марчелло увидит ее, то точно увезет!

И действительно, сходство между Катрин Денёв и Сандрой — женой Джорджо — имеется. Обладая красотой и женственностью, умея произвести впечатление на окружающих, Сандра при этом не стремилась ни в кино, ни на телевидение, несмотря на поступающие предложения. А однажды она и вовсе отказала самому Микеланджело Антониони!

С известным режиссером, классиком авторского кино, именуемым «поэтом отчуждения и некоммуникабельности», призером премии «Оскар», Венецианского, Каннского, Берлинского фестивалей, Джорджо и Сандра оказались знакомы через друзей и однажды присутствовали на совместном

ужине в одном из венецианских палаццо. Микеланджело заметил внешние данные девушки и был поражен ее красотой и фотогеничностью. Более того, он четко увидел ее в своем фильме и даже успел наметить роль. Антониони решил сделать предложение Сандре прямо на ужине, не затягивая. И каково же было удивление культового режиссера, когда венецианка отказала ему, признавшись, что кино ей совершенно безразлично, а главный интерес в жизни — дом, семья, муж и дети.

— *Мама остается красивой домохозяйкой, — улыбаясь, подтверждает Алессандро — сын Джорджо и Сандры, старший брат Урсулы. — В нашей семье мы все трое работаем в мастерской Dogale Jewellery, кроме нее, у нее дела дома.*

К слову, Алессандро в Венеции не совсем простой человек. До двадцати четырех лет он шел по стопам отца и обучался ювелирному мастерству. Однако в 1970–1980-е годы подул ветер перемен, стали появляться свободные радио, популярность которых вскружила его молодую голову. В результате он стал владельцем радиостанции.

— *Те годы — золотая эпоха. Люди слушали музыку, говорили, тусовались, посещали разные места, было много общения. Атмосфера сложилась непередаваемая, словно ты понимаешь, что открыты все дороги, а будущее исключительно светлое и радостное. На этой волне в 1985-м я создал Radio Venezia Sound, наш офис базировался в районе кампо Сан-Лука, это место и сейчас вызывает приятную ностальгию, если я прохожу мимо, — вздыхает он.*

Ребята вкладывались профессионально, подходя ко всему творчески, но постепенно росли налоги, ужесточались требования к СМИ, возникали сложности. От груза проблем опускались руки. В 1999 году Алессандро решил расстаться со своим детищем и продать радиостанцию. Как оказалось, это было очень правильным решением — покупатель, радиосеть из Милана, уже через год ее закрыл, а Алессандро — единственный в этой истории, кто оказался в финансовом плюсе.

— С 2000 года я тут, у отца. Я тоже умею создавать украшения, но делаю это нечасто, больше занимаюсь продажами. А как иначе, папу ведь отсюда не выгонишь! В свои семьдесят четыре года он ходит на работу каждый день, все делает самостоятельно, еще и нам подает пример. Возраст не помеха! При этом у отца интересное хобби, он обожает подводную археологию и периодически спускается на дно лагуны!

Стоило упомянуть погружения, как у Берто-старшего загорелись глаза. Своему увлечению, как и работе, Джорджо отдается без остатка. Он прошел все возможные уровни, получил все полагающиеся сертификаты, а первый спуск совершил в 1985 году в возрасте сорока восьми лет. По иронии судьбы в тот самый год, когда его сын Алессандро создал собственную радиостанцию.

Там, глубоко под водой пришла любовь к археологии, когда в составе специализированного клуба Сан-Марко он исследовал дно лагуны, находя осколки старинных предметов, казалось, навсегда погребенных под илом и песком, замалчивающих свои тайны и истории. Извлекать их на поверхность, исследовать и слышать немое повествование вековой давности — ни с чем не сравнимое удовольствие.

А таится там многое. Ценные товары с Востока и Запада, дорогие предметы, потерянные с кораблей, и тысячи колец, что оседали в толще воды после роскошного праздника обручения дожа с Адриатическим морем. Он проходил каждую весну, в день Вознесения, дабы успокоить водную стихию, несущую Венеции не только жизнь и защиту, но и потенциальную угрозу и гибель.

Ритуал необычного бракосочетания появился в 1000 году. Мужем становился дож, а женой — бурные и своенравные венецианские воды. Однако свадьба до XII века обходилась без главного атрибута — кольца, пока папа римский Александр III не устранил досадную оплошность. По легенде, он снял перстень с руки дожа во время церемонии и бросил его

в море, предложив закрепить таким образом торжество Венеции на Адриатике. С довольной женой проще договориться, рассудил глава церкви.

По традиции действие начиналось торжественной мессой в базилике Сан-Марко, а после будущий супруг занимал место на церемониальной галере Бучинторо с патриархом, знатью, главами гильдий и направлялся в сторону острова Лидо, где воды лагуны соединяются с морскими.

У каждого была отдельная роль в сакральной свадьбе человека и стихии: патриарх выливал святую воду, читались молитвы и слышались песнопения, а дож становился на носу с золотым обручальным кольцом в руках и со словами «Мы берем тебя в жены, о море, в знак истинного и вечного господства» бросал драгоценность новоявленной жене, надеясь на ее благосклонность.

С поисками обручального кольца дожа Джорджо не повезло, но за всю историю погружений он обнаружил около трех десятков ценных объектов — от античных амфор до венецианских цветных ваз эпохи Возрождения, от крошечных обломков до нетронутой временем посуды, которая, может возникнуть ощущение, сделана только вчера. Все они заняли место в музеях Венеции и региона Венето. Этот факт — предмет особой гордости синьора Берто. Кое-что даже хранится в знаменитом Дворце дождей и лишний раз напоминает о неслучайности выбора названия «Ювелирный дожа» для мастерской.

— *Погружаться в лагуне самостоятельно запрещено*, — уточняет Джорджо. — *Это возможно только в составе официальных археологических экспедиций, участником которых*

я являлся. Дорог еще канал Сан-Феличе у Пунта Саббиони, там тоже случались интересные находки. Мне очень нравится эта деятельность, но сейчас я погружаюсь крайне редко: одному это делать нельзя, а друзья или уехали, или умерли. Одним словом, беда с компанией. Так что да, я часто в мастерской, делаю украшения, пока Алессандро и Урсула общаются с клиентами.

Кстати, многих гостей Dogale Jewellery дети Джорджо знают поименно и вспоминают с радостью и уважением. Например, однажды в магазин зашла секретарь Софи Лорен — актриса жила в отеле Danieli и была занята на съемках, но хотела сделать подарок детям. Сама она прийти не могла, но отправила помощницу, выбравшую изделия для сыновей дивы. Постоянным клиентом семьи Берто числилась и Марта Мардзотто — графиня, модель, стилист, эксперт в мире моды, известная личность в Италии. Вторит ей в любви к маврам и маркиза Арагонская — публичная дама, часто мелькающая на голубых экранах.

Впрочем, русским следом мастерская тоже очень гордится.

— В 2009 году нам поступил заказ из дома Романовых, — вспоминает с улыбкой Алессандро. — Одна принцесса захотела необычное елочное украшение, обязательно в венецианском духе. На Мурано была отлита форма шара, а папа делал крепление и сетку из золота и бриллиантов, которая его оплетала. Для нас это была огромная честь и большое волнение, понравится ли потомкам императоров работа. К счастью, секретарь заверил, что шар красуется на елке, все довольны и передают нам благодарности и поздравления.

Особая клиентура — местные жители, предпочитающие носить украшения с маврами, следуя истинно венецианской традиции. В их числе Кармела Чиприани — внучка знаменитого Джузеппе Чиприани — основателя Harry's Bar. Она частый гость в Dogale Jewellery, к тому же подруга семьи. И конечно, герцогиня Катя Ферри Мельци д'Эрил, у предков которой в Миланском герцогстве около десяти лет жил Леонардо да Винчи.

Раскрою секрет — именно она привела меня к Dogale Jewellery и познакомила с Алессандро и Урсулой. Так что я тоже их клиент и поклонница мавров. Благодаря этому венецианскому символу произошла интересная история.

В феврале 2020 года я участвовала в съемках программы «Жизнь других» в Милане с Жанной Бадоевой. В мои обязанности входили поиск людей, локаций, перевод диалогов, общение с героями. Одной из них стала королева моды — Альберта Феретти, принявшая нас с группой в своем офисе-палаццо в центре Милана. Сияющая и улыбающаяся Альберта зашла в комнату и буквально сразу после приветствия заметила мои серьги в виде мавров. Не секрет, они были делом рук Джорджо Берто.

— *О, венецианские мавры!* — с восторгом сказала синьора Феретти и остановилась, чтобы получше разглядеть их. — *Я обожаю Венецию и люблю все, что с ней связано. Дорогая, твои серьги прекрасны. Передай комплименты мастерам, это отличная работа.*

Алессандро и Джорджо растаяли от этих слов, когда после окончания интервью получили похвальное сообщение. Конечно, новость о восхищении самой Альберты Феретти — кутюрье мирового масштаба — разлетелась по Венеции через друзей и знакомых, стала темой разговора в уютных барах и ресторанах, спрятанных в переулках.

Диалоги были слышны во двориках, крытых проходах, на набережных, лодках и мостах. В лавках и магазинах, за утренним кофе или вечерним бокалом белого. На рыбном

рынке у Риальто и отдаленных островах лагуны. На балконах, у тяжелых порталов и остановках водных трамвайчиков вапоретто.

Наверняка и на мосту Каноника, с которого, когда выходишь из мастерской Dogale Jewellery и сворачиваешь из темного переулка на яркое солнце, так замечательно под болтовню гондольеров и плеск воды с умилением любоваться кружевным венецианским шедевром — мостом Вздохов.

2 ЛЕГЕНДАРНОЕ КАФЕ «ФЛОРИАН», ИСКУССТВО И ПРИЗРАКИ

*«Этот город для глаз — остальные чувства играют
еле слышную вторую скрипку. Здесь у всего общая цель —
быть замеченным».*

Иосиф Бродский

Поднос в кафе Флориан

Уже три столетия кафе «Флориан» неизменно восхищает. Для начала местоположением — на самой красивой площади мира — Сан-Марко — с видом на одноименный собор с золотыми мозаиками и округлыми куполами, здание прокураций¹ и красно-кирпичную колокольню, в тени которой некогда разливали вино в жаркие дни. Отсюда идет знаменитое венецианское название бокала с напитком ombra, что значит «тень».

Далее вызывает неописуемый восторг интерьеры — ими в середине XIX века занимались лучшие ремесленники, творцы и художники Венеции, не жалея сил, таланта, сусального золота, драгоценного мрамора, дерева и декоративных панелей. По некоторым подсчетам, на потраченные средства вполне можно было возвести пафосный дворец на знаменитом Большом канале на зависть утонченным соседям-аристократам.

Конечно, «венецианец» не преминет с гордостью перечислить своих поклонников: от королей, актеров, писателей до Казановы, Гольдони, Стравинского и Бродского. Принцы, режиссеры, политики, живописцы — все считали нужным засвидетельствовать свое почтение трехсотлетнему красавцу.

¹ Исторические сооружения на площади Сан-Марко. (Прим. авт.)

А что же он?

А он величаво, умело и с достоинством связывает воедино роскошь и историю, вкус и безупречность, патриотизм и триумф. К слову, с последним оказалось связано его первоначальное название: в 1720 году, когда это место появилось на карте в центре Венеции, отец-основатель Флориано Франческони нарек детище «Триумфальной Венецией». Однако жители города при любом удобном случае повторяли «Пойдемка к Флориану», так что со временем пришлось подчиниться и сменить вывеску.

— *Это самое старинное из сохранившихся кафе Италии, — заявляет мне невысокий, седой и обаятельный арт-директор кафе «Флориан» Стефано Стипитивич, усаживаясь на мягкое бархатное сиденье в зале Сената, снимая очки и заказывая кофе. — Хотя надо сказать, что самое первое заведение открылось в 1683 году в Новых прокурациях и называлось «У араба», но о нем остались лишь воспоминания. А «Флориан» хоть и родился позже, но дожил до наших дней.*

С момента появления он ни разу не прекращал работу, даже во время войн и бедствий. Исключение составил непростой во всех смыслах 2020 год — нам пришлось следовать регламенту и закрыть свои двери. Это вызвало колоссальные убытки. Но мы выстояли. И продолжаем свое дело — радовать жителей и гостей Венеции не только историей места, но и различными напитками. Сейчас выбор огромен, но началось все именно с кофе.

Ныне абсолютный король Италии и любимец каждого гражданина, он пришел в Республику Святого Марка с манящего Востока, а точнее из страны фараонов — Египта. Поначалу ароматное диво вызывало нешуточные опасения и подозрения со стороны Серениссимы, и, прежде чем допустить появление «мусульманского зелья» в лагуне, управители выслушали множество донесений, мнений и аргументов. Одним из них стал доклад ученого Просперо Альпино, вернувшегося из Каира, об употреблении напитка, носящего с легкой руки

турков, господствовавших в тот момент в Египте, название sahe.

Его пили без спешки, после трапезы, непременно наслаждаясь процессом. Собрание или дружеское общение казалось немислимым без коричневой жижи с божественным ароматом. Зачастую за чашечкой обсуждали разные темы: жизнь, новости, культуру, в том числе политику. Уже один этот факт настораживал гордую Светлейшую: свободу мыслей и суждений непросто удерживать под контролем государственных интересов.

На народную любовь и привязанность указывал несколькими годами ранее сын Венеции — посол Джан Франческо Морозини из Константинополя. Он подтвердил, что соответствующих заведений в городе множество, а черный горячий напиток привлекает и простолюдинов, и высокопоставленных чиновников. Будто бы он обладает целебными качествами, считается лекарством, в состоянии поддерживать активность и бодрость духа. Иногда его зовут вином ислама. По религиозным причинам мусульмане не употребляют алкоголь, но находят радость и отдушину в загадочном кофе, пары которого кружат голову.

Тем временем к нашему мраморному столику подошел официант в белоснежном пиджаке и, виртуозно разместив заказ на прохладной каменной поверхности, удалился.

— Видишь, Роберто оставил поднос? — обращает мое внимание Стефано, отпивая только что принесенный эспрессо. — *Это не забывчивость: он работает тут почти сорок лет и отлично все знает. На самом деле это старинная традиция, сохраненная нами. Элегантная, в чем-то даже благородная, демонстрирующая качество и стиль. Так приятнее, удобнее и красивее, когда чашки, бокалы и тарелки сервируются и остаются на подносе. Кстати, эти самые подносы в кафе сделаны из качественных материалов и достаточно тяжелые. По этой причине официанты во «Флориан» — только мужчины. Девушка с подобной задачей не справится, ну разве что*

она не окажется профессиональной спортсменкой или любительницей силовых упражнений, — улыбается Стипитивич.

Фамилия этого венецианца вызывает любопытство, ведь она совершенно не итальянская. При этом Стефано родился в городе на воде, испытывает к нему искреннюю любовь, а каждую разлуку с Родиной переживает с нотками печали и грусти.

— Моя семья исторически происходит из Далмации, долгое время находившейся под властью Венеции. Потом родственники перебрались в столицу в конце XV века с небольшого острова Хвар. Удивительно, но я там никогда не был, хотя это не так далеко, — делится Стефано. — Вот уже несколько столетий род связан с Республикой Святого Евангелиста Марка. К счастью, некоторые подробности о предках удалось узнать из старинных документов.

Например, в городе есть Далматская скуола¹ Сан-Джорджо-дельи-Скиавони. С ней связана наша национальность, а еще там великолепные картины Витторе Карпаччо. В архивах я с удивлением и радостью обнаружил упоминание о Стипитивич. Знаю, что предки занимались торговлей, работали в Арсенале, даже пилоты среди нас имеются! Однако не все сохранили фамилию в первоначальном виде: во времена фашизма кто-то изменил ее, сделав более итальянской, убрав славянское окончание. Это связано с боязнью репрессий по национальному признаку. Однако мой дед был непреклонен и оставил все как есть.

Я родился в 1950-е годы, когда самое страшное осталось позади. К сожалению, большинство из нынешнего населения города — мои ровесники, молодежи мало. Какое будущее возможно у города с преобладанием пожилых?

¹ Братства, основанные мирянами, но опирающиеся на религию. Могли делиться по национальному, профессиональному, географическому признаку. Подробнее о скуолах мы поговорим в 6-й главе. (Прим. авт.)

Впрочем, такая ситуация в новинку. Например, в моей юности в Венеции было много детей. Время восстановления после войны не назовешь простым, но тем не менее рождалось большое количество юных венецианцев, жизнь текла легко и свободно. Серениссима казалась намного более радостной, чем сейчас. Одно неизменно — жизнь в кафе бурлила всегда.

Так повелось с самого начала. Заведения Венеции притягивали посетителей не только соблазнительным меню. В нем значился драгоценный и полюбившийся горожанам кофе, стоимость которого оценивалась весьма высоко. Однако в XVIII веке над божественным гостем с Востока сгустились тучи.

Активно распространялась информация о побочных эффектах напитка в виде паралича, тремора конечностей, конвульсий, герпеса, высыпаний на коже, скарлатины, приступов ипохондрии, лени, температуры и самого страшного — потери фертильности у женщин и мужской силы у представителей крепкой половины человечества. Возможные перечисленные осложнения, по мнению медиков того времени, настигали несчастного в случае избыточного употребления кофе, а потому рекомендованная доза для сохранения здоровья озвучивалась как одна чашка в день. Несмотря на советы лекарей, кофе оставался самым востребованным и излюбленным напитком во «Флориан».

Помимо него, все обожали шоколад, сервируемый с тростниковым сахаром — полезным и дорогим продуктом, находящимся в ведомстве фармацевтов. В эпоху Возрождения в обиходе для подслащения чаще использовали фруктовый сахар или мед, а белый из тростника, привозимый с подвластного Венеции Крита, продавали в небольших количествах по причине его ценности и высокой стоимости. Конечно, люксовый товар на вес золота оказался доступен клиентам кафе на площади Сан-Марко.

Также их ожидали чай, лимонады, сорбеты. Любовью пользовались и ликеры, в особенности розовый, состоящий

из воды, спирта, сахара, настойки из розовых лепестков. Начиная с блистательной эпохи Ренессанса он привозился с другого острова — Кипра, важнейшей территории для республики, потерянной позже в сражениях с османами. Вкус и аромат по описаниям современников, напоминал пленительные дальние страны и имел большую популярность в обществе. Однако нынче отведать розовый ликер не получится — легенда покинула сцену и больше не фигурирует в меню «Флориан».

К слову, в списках долгое время не значилось вино: оно приобрело излишне народную и незатейливую репутацию, а главным местом его употребления были крохотные, шумные, набитые посетителями остерии. Для эlegantного «Флориан» этот формат не подходил, ведь заведение на площади Сан-Марко превратилось не просто в место, где можно выпить, но и в локацию, где происходили важнейшие события в жизни и истории города. Посещать кафе стало невероятно модно.

Здесь заключали сделки, говорили о делах, дискутировали об искусстве и политике, производили впечатление, знакомились, делились новостями, играли в азартные игры. Под сводами родилась первая газета *La Gazzetta Veneta*, основанная двумя братьями — Карло и Гаспаре Гоцци. Они самолично распространяли ее среди гостей кафе. Первый венецианский вестник состоял из нескольких страниц, но освещал основные темы: непременно новости, культурные события, политические обозрения, местную хронику, информацию о спектаклях, объявления о продаже, покупке, обмене и даже о потере домашних животных, обещая вознаграждение за помощь в поиске любимого питомца.

Журналистика как жанр появилась во «Флориан» и того раньше: люди приходили узнать последние сплетни, рассказать об услышанном, обговорить происходящие события. Сюда стремились за информацией со всего света, выданной из уст иностранных гостей и путешественников из Испании, Армении, с севера Европы или далекого Востока. Приезжая

в Венецию по делам, они привозили вести своей страны и континента. Пословица «кто владеет информацией, тот владеет миром» оказалась весьма применима к расчетливой Царице Адриатики.

Сам Гаспаре Гоцци просиживал долгие часы в кафе «Флориан» не только занимаясь газетой, но и общаясь с клиентами любимого заведения. «Проводить время в кафе, — заключил он, — это не каприз, а школа философии».

С ним оказался солидарен Жан-Жак Руссо, любивший расположиться за столиком, пока выполнял обязанности секретаря французского посла. Или Карло Гольдони, написавший произведение «Кофейня», связанное не только с атмосферой заведения, но и с фигурой основателя — Флориано Франческони, увековеченного в герое по имени Ридольфо.

Список литераторов, философов и писателей, любивших кафе на площади Сан-Марко, впечатляет. Шатобриан и Стендаль, лорд Байрон и Шелли, Жорж Санд и Чарльз Диккенс, Теофиль Готье и Гете, Александр Дюма-отец и Бальзак, Анри де Ренье и Эрнест Хемингуэй, Марсель Пруст, Габриэле д'Аннунцио и многие другие. Полюбился он и звездам: Марчелло Мастроянни, Джини Лоллобриджиде, Гари Куперу, Рихарду Штраусу, Мстиславу Ростроповичу, Катрин Денёв, принцессе Грейс из Монако, Маргарет Тэтчер, Мэлу Гибсону и даже Франсуа Миттерану.

Не отставали и художники.

Франческо Гварди — знаменитый пейзажист XVIII века — до того, как прославиться, ходил между столиков, выставленных словно в роскошной гостиной, на площади Сан-Марко

и предлагал посетителям свои картины. Запомнился и Антонио Канова — выдающийся скульптор, любимец Наполеона Бонапарта, что был дружен с Валентино Франческони, племянником Флориано, ставшим наследником его бизнеса и новым владельцем кафе.

— Во-первых, маэстро — частый гость в доме семьи. И регулярно получал от нее посылки практического содержания: с кисло-сладким соусом мостарда, фасолью, кремом для ботинок и лезвиями, — делится, активно жестикулируя, Стефано. — При этом в письмах Антонио заклинал не слать ему больше мостарду, она вызывала у него проблемы с желудком. Это очень милые подробности, раскрывающие заботу и доверительные дружеские отношения.

Еще мне нравится следующая история. Валентино страдал подагрой, особенно мучительной в районе одной ноги. Его приятель Канова, дабы помочь, сделал слепок целиковой ноги, чтобы сапожник сумел изготовить удобные для больного ботинки. Эта модель, по сути, для ортопедической обуви, созданная самым известным скульптором неоклассицизма, ныне утеряна. Но любопытные истории на этом не заканчиваются.

Поговаривают, будто Валентино Франческони инкогнито состоял на службе республики, — загадочно продолжает Стипитивич. — Иначе как объяснить его путешествия по якобы личным мотивам в Париж в непростой момент взаимоотношений между державами? Наконец, Валентино добился официального разрешения на посещение своего кафе женщинами, в то время как по всему городу это оказалось под запретом. Нам остается лишь догадываться о причинах такого «везения».

Конечно, в кофейне не обходилось и без шпионских историй. Достоверно известно, что промышлял этим во «Флориан» сам Джакомо Казанова — умнейший человек того

времени, в резюме которого временно значилась должность осведомителя Инквизиции. И где же было узнавать о новостях и интригах, как не в главном кафе Венеции, кишащем сплетнями, слухами и пикантными подробностями!

— Интересно, что недавно призрак Казановы соизволил к нам вернуться, — ухмыляясь, говорит Стефано. — Это произошло в зале Сезонов, мы еще называем его Зеркальным. В 2019 году две постоянные клиентки непринужденно сидели там и болтали, пока помещение не огласил душераздирающий крик. Из одного из зеркал, висящих друг напротив друга, вышло нечто. Приглядевшись, синьоры увидели силуэт легендарного венецианского авантюриста. Через несколько секунд он исчез. То ли Джакомо не пришлась по нраву суета, то ли прием, то ли его, как большого любителя женской красоты, не впечатлили свидетельницы внезапного возвращения.

Как бы то ни было, новость разнеслась по городу и вышла в газетах. Через два дня на пороге у нас стояли итальянские охотники за привидениями, увешанные специальной аппаратурой. Они исследовали кафе вдоль и поперек и подтвердили, что некие физические характеристики (вибрации, частоты и прочее) свидетельствуют о потустороннем присутствии.

Я же склонен думать, что это не только мистическое расположение зеркал друг напротив друга, что якобы создает тоннель, ведущий к центру земли, но и пары вина «Марсала», что заказали женщины. И уж скорее я бы ожидал призрак Казановы в зале Сената, зная о его любви к таинственным знакам и мистическим сведениям. Интересно, что именно в этом зале мы сейчас и находимся.

Словно подкрепляя свои слова, Стефано указывает на картину на стене с масонской символикой: меч, пятиконечная звезда, ангел, треугольник, число XIX на табличке, указывающее на век создания изображения и расцвет союза, — все

намекает на связь с тайным обществом, якобы любившим собираться в этом зале.

Еще с 1820 года он за счет изолированности от других помещений пользовался интересом власть имущих. Они и прозвали комнату залом Сената, ведь среди членов собирающейся группы значились сенаторы Серениссимы. В последние дни республики в нем заседали представители великих венецианских семей: Капелло, Корнер, Марин, Марчелло, Пизани, Фальер, Гримани — самый цвет местной аристократии.

Не исключено, что именно в зале Сената в большом секрете готовились революционные выступления середины XIX столетия, обсуждали свои дальнейшие планы карбонарии — члены законспирированной компании. Гостил и национальный герой страны, памятник которому красуется сейчас в любом итальянском городе, — сторонник освободительного движения Джузеппе Гарибальди, франкомасон по совместительству. При этом, несмотря на явную политическую предрасположенность, зал неожиданным и серьезным образом повлиял на всю мировую культуру.

— Именно здесь возникла идея знаменитого Биеннале — выставки современного искусства, что принесла в Венецию новые силы и импульсы, — радостно преображается в лице Стефано, ведь мы затрагиваем любимую тему арт-директора «Флориан» — искусство. Он потирает руки и начинает рассказывать: — Риккардо Сельватико — поэт и мэтр Венеции — вместе с художниками и ценителями прекрасного в 1893 году сидел в зале Сената. Им пришла идея создать интернациональную экспозицию современного искусства

в Венеции, со временем получившую название Биеннале. Успех оказался оглушительным, а искусствоведы, галеристы и критики завели привычку во время мероприятия назначать встречи в кафе, породившем это величайшее явление в искусстве последних веков. Кофейня, давшая жизнь Биеннале, достойна особого внимания у творческих людей!

И снова пришла идея — а что, если и «Флориан» сделать площадкой для художников? Если дать им возможность декорировать залы, размещать свои работы в помещении кафе? На этот раз идея была моя, экс-владелицы Даниэлы Гаддо Ведальди и друга — директора национального новостного портала Ansa. Так началось наше сотрудничество — мое и «Флориан». Первая выставка состоялась в 1988 году, с тех пор прошло множество интереснейших экспозиций, а залы превращались в фантастические миры на несколько месяцев, пока в лагуне гостит искусство. Приятно, что в тот момент Венеция обычно наводняется русскими.

Кстати, в копилке Стипитивича имеется интересный и уникальный опыт сотрудничества с Россией и ее гражданами. Некоторое время назад в Светлейшую приехала съемочная группа в количестве восьми человек для создания программы о городе под названием «Их Италия». Конечно, любое повествование о Венеции немислимо без «Флориан», поэтому Стефано выпала честь рассказать о любимом кафе. Собеседником и интервьюером оказался сам Владимир Владимирович Познер — известный журналист, лауреат премий «Тэфи» и «Ника», писатель, теле- и радиоведущий, настоящая акула пера.

— Он очень симпатичный и невероятно эрудированный, — вспоминает Стефано. — Вообще вся команда работала слаженно и оказалась отлично подготовлена. Владимир меня поразил. Он, придя на беседу, уже знал все факты, был информирован о каждой мелочи. Подобный профессионализм подкупает. Невероятное удовольствие взаимодействовать с такими личностями!

Они создали восхитительный материал, великолепную работу, которая мне очень понравилась. Потом, после выхода программы, в кафе стали заходить русские и спрашивать меня. Общались, делали фото на память и почему-то думали, будто я владелец. Безусловно лестно, но это не так. Приходилось разочаровывать и объяснять, что я всего лишь арт-директор и сотрудничаю с «Флориан» по вопросам искусства и культуры. Некоторые заходят до сих пор, хотя времени с той съемки прошло уже достаточно много.

К столику снова подходит Роберто. На этот раз на подносе красуются два ярко-оранжевых напитка в низких бокалах, блюда с закусками, традиционно подающиеся к аперитиву.

— Помимо знаменитого «Беллини» с персиком, созданного по соседству Джузеппе Чиприане в Harry's bar, мы предлагаем коктейли «Тинторетто» с гранатовым соком, «Луччини» с мандарином, «Тьеполо» с клубникой, «Тициан» с виноградом, — ровно вытянувшись, отчитывается он. — Есть именной «Флориан», что я принес на пробу. В составе джин, битер «Мартини», «Мартини dry», апельсин и еще пара ингредиентов.

— А что пил Иосиф Бродский? — с надеждой и интересом спрашиваю я.

— Да много чего! Кофе, конечно, коктейли, но и от граппы никогда не отказывался, — загадочно улыбается официант.

— Роберто — венецианец, как и я, — хлопает друга по плечу Стипитивич. — Он почти четыре десятилетия связан с кафе и великолепно работает, отлично разбирается в культуре. Хотя частично в этом и моя заслуга. Я же преподаватель. Раз в год устраиваю лекции на тему истории и искусства Венеции для персонала, чтобы они могли рассказать не только о меню, но и порадовать гостей необычными фактами. А если честно, мы здесь все почти как семья. Это наглядно показало наводнение в ноябре 2019 года, когда уровень воды оказался очень высоким, а город получил большой ущерб от стихии.

— О, мы не могли спать! — эмоционально подтверждает Роберто. — Переживали, что будет с Венецией, что будет

с «Флориан». И на следующее утро после разгрома, нанесенного морем, я вышел из дома и первым делом направился к кафе. Конечно, день был нерабочий по понятным причинам, но сердце тянуло на площадь Сан-Марко — посмотреть, что произошло.

Каково же было удивление, когда я обнаружил у двери весь персонал, в том числе и Стефано! Мы пришли, не сговариваясь, и начали разбирать завалы, сушить помещение, выносить на солнце влажную мебель. В тот момент мы почувствовали такое единение! Ведь каждый оказался при деле, не потому что обязан, а потому что захотел помочь. «Флориан» не просто трудовая деятельность, это огромный отрезок жизни — очень ценный и значимый для всех, кто имеет счастье быть к нему причастным.

Глаза Роберто горят. Но нужно бежать встречать новых гостей, что появились у входной двери и с любопытством заглядывают внутрь. Усадить за столик, принять заказ, обслужить, а затем сменить белый пиджак на черный фрак — к вечеру официанты переоблачаются и выглядят более эффектно. А потом при свете огней и под музыку оркестра продолжать, виртуозно лавируя между столиками на площади, разносить клиентам напитки, рассказывать истории, удивлять безупречным сервисом и делать все возможное, чтобы впечатлить. В надежде, что, снова вернувшись в город, они, как и венецианцы вот уже три столетия подряд при первом удобном случае, скажут: «А пойдём-ка к Флориану!»

— Иногда меня спрашивают, почему все у вас стоит дороже, чем в обычном баре, — сокрушенно произносит Стиптивич. Складывается впечатление, что отвечать на подобные реплики ему приходится неохотно, но часто. —

На что я обычно говорю, что чашка кофе во «Флориан» — это не просто чашка кофе. Это путешествие во времени, прямой контакт с историей. Здесь нет суеты,

автомобилей, хронология замедляется. Ты просто смотришь на мир, замечаешь его эстетику и законы, успокаиваешься, в некотором роде медитируешь. Это красивый опыт в уникальном городе мира, не имеющем аналогов.

Мы продаем не кофе, а опыт. К тому же до вас на этих сиденьях восседали знаменитости, а интерьеры помнят величайшие умы эпох. В кафе можно случайно столкнуться со звездами, а за соседним столиком разглядеть известного телеведущего, писателя, политика, уплетающего свою утреннюю бриошь.

В конце концов, у ваших ног сама площадь Сан-Марко — сердце Венеции и любимое место жителей на протяжении веков, мы до сих пор души в ней не чаем и очень гордимся. Разве если сложить все эти факторы вместе, то не получится истинное чудо, по-настоящему бесценное?

Разве не за этим приезжают в город? Чтобы стремиться к пронзительной красоте, погрузиться в атмосферу, дотянуться до культуры и подкрепить все гастрономическими удовольствиями. Заботливо и кропотливо собирать все по фрагментам и деталям, складывая личную мозаику жизненного опыта.

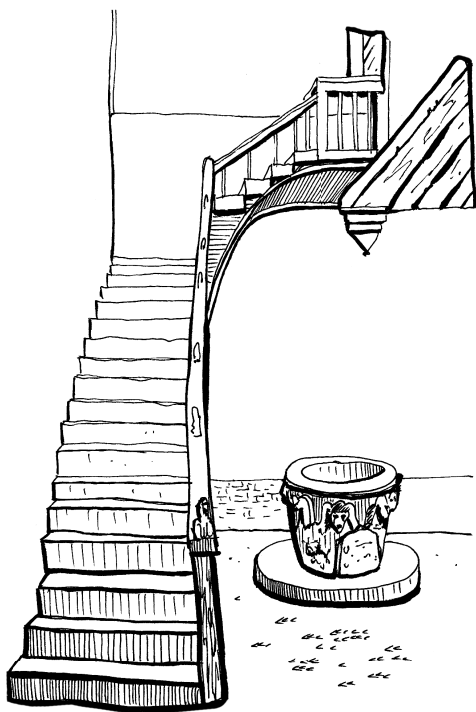
А затем, увозя домой драгоценные воспоминания под названием «Венеция», помнить, что тебе удалось не просто по касательной прикоснуться к истории, но и оставить свой собственный отпечаток как минимум в самом первом сохранившемся кафе Италии, примкнув к миллионной армии его почитателей, и согласиться с нашим гостем, писателем Анри де Ренье, и его золотой фразой: «Где еще найти другое место помимо этого, где было бы так прекрасно предаваться жизни?!»

3 АРИСТОКРАТИ- ЧЕСКИЙ БРАК И СЕКРЕТЫ СЕМЕЙНОГО СЧАСТЬЯ

*«Выбери свой геральдический клич,
звучащий родовой герб.
Венеция — город тотемов».*

Тициано Скариа

Дворик дома Гольдони

